

Сергей Александрович Баунов

Александр Серов. Его жизнь и музыкальная деятельность

Сергей Александрович Базунов
Александр Серов. Его жизнь
и музыкальная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175615

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Детство Серова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Сергей Александрович
Базунов
Александр Серов. Его
жизнь и музыкальная
деятельность**

*Биографический очерк С. А. Базунова
С портретом Серова*

Глава I. Детство Серова

Происхождение. – Отец и мать. – Первые уроки музыки. – Пристрастие к Бюффону. – Первое проявление музыкальной натуры. – Характер Серова в детстве.

В январе 1871 года к числу достопамятных могил Александров-Невской лавры в С. – Петербурге прибавилась еще одна: упокоился навеки композитор Александр Николаевич Серов. Прах усопшего музыканта положили вблизи праха Глинки и Даргомыжского; этим актом общество ярко выказало свои симпатии к покойному, а также и свой взгляд на значение его личности и произведений. Но не так отнеслась к личности и произведениям Серова критика. Увлеченная партийными счетами и полемическими распрями, она долго не могла найти правильного масштаба для оценки умершего музыканта, и многие годы прошли, прежде чем имени Серова было отведено подобающее место в истории русского искусства. Однако время взяло свое, страсти улеглись, личные счеты замолкли, и когда подведены были беспристрастные итоги, то оказалось, что в сфере русской музыки Серову принадлежит бесспорно первое место после Глинки и Даргомыжского. Таким образом, как композитор Серов был оценен по достоинству.

Но А. Н. Серов был не только первоклассным композитором. Имя его равно прославлено и в области литературы: он

был замечательнейшим музыкальным критиком своего времени, и не только своего; необыкновенная оригинальность взглядов, яркость и философская глубина, всегда отличавшие его критические работы, сохранили за ними все их значение вплоть до наших дней. На поприще музыкальной критики Серов стоял неизмеримо выше всех своих современников и по силе таланта не знает себе соперников на этом поприще, кажется, и до сего дня. Такая многосторонность, такое сочетание в одном лице талантов столь разнородных – явление чрезвычайно редкое и достается в удел немногим. Отсюда понятен интерес, связанный с изучением личности и деятельности такой богато одаренной натуры, как А. Н. Серов.

Александр Николаевич Серов родился в С. – Петербурге 11 января 1820 года, в достаточном, хорошо по-тогдашнему образованном, но отнюдь не музыкальном семействе. Таким образом, пробуждение и последующее развитие музыкального таланта будущего композитора нельзя приписать влиянию семьи. Зато можно с большим вероятием сказать, что блестящие умственные способности и общая даровитость натуры получены им прямо по наследству. Известно, что отец его, Николай Иванович Серов, обладал весьма недюжинным умом, тонким, проницательным, заметно наклонным к сарказму и иронии. Будучи не особенно высокого происхождения, он сумел, однако, составить себе довольно почетное положение по службе и занимал довольно видное

место в министерстве финансов. Влияние его на сына было весьма велико и могло бы быть вполне благотворным, если бы не некоторая сухость характера, плохо гармонировавшая с артистическими наклонностями будущего музыканта. К числу недостатков Н. И. Серова нужно отнести и его крутой нрав; впоследствии он принес Александру Николаевичу так много страданий и горя...

Упомянув о наследственной даровитости семейства Серовых, мы считаем уместным сообщить здесь следующий эпизод, передаваемый В. В. Стасовым в его статье «Училище правоведения сорок лет тому назад». Рассказ относится к сороковым годам, когда Серов уже окончил курс в училище правоведения.

«Однажды пришел я к ним (к Серовым) как-то на праздниках, вечером, по-всегдашнему с большим свертком нот, чтоб нам с Александром играть в четыре руки. Я нашел его со старшей и любимой сестрой его Софьей, почти столь же даровитой и многоспособной, как он сам, в необыкновенном, еще невиданном состоянии духа. Они прыгали и били в ладоши около фортепиано, на котором только что играли, и громко кричали мне: „Вольдемар, какое счастье! Какое счастье! Вообразите – мы жиды!“ Я остановился на пороге как вкопанный, не зная, что это такое: шутка ли, новое ли баловство какое (на это оба они были мастера) или что-нибудь в самом деле серьезное? Они побежали ко мне и, продолжая хлопать в ладоши, объявили мне,

что вот только сейчас „мама“ рассказывала им, что они оба такие способные и живые прямо в дедушку, Карла Ивановича (ее отца), а он был еврей родом. И мы все вместе, – заканчивает свой рассказ г-н Стасов, – принялись радоваться: у нас уже давно евреи считались самым многоспособным и талантливым народом».

Анна Карловна, мать композитора, была также очень умная женщина, обладавшая благородным и добрым характером, а что касается еврея-дедушки, от которого происходит А. Н. Серов, то им был довольно известный сенатор екатерининских времен Карл Иванович Габлиц, человек больших способностей и один из главных помощников князя Потемкина по устройству вновь присоединенного тогда Крыма.

Общая даровитость натуры стала проявляться у А. Н. Серова очень рано, можно сказать, с самых первых лет детского возраста. На четвертом году он уже настолько владел грамотою, что мог читать книги, и почти с этих же лет горячо полюбил театр, куда родители стали возить его, начиная с трехлетнего возраста. Когда же пришла пора учиться, а для него она наступила очень рано, его домашние не могли надивиться быстроте и легкости, с какими он усваивал все сообщаемые сведения; к усваиваемому материалу мальчик относился весьма сознательно. Научившись читать по-русски, как сказано, четырех лет, на девятом году он уже бойко читал французские и немецкие книги. Словом сказать, история детских лет Серова есть та старая история, которая веч-

но повторяется с людьми, отмеченными печатью таланта и предназначенными в будущем к какой-нибудь крупной роли в сфере интеллектуальной.

Все упомянутые свойства ребенка-Серова указывали на его общую даровитость. Но было между ними еще одно свойство, которое уже прямо определяло артистическое призвание будущего художника. У мальчика очень рано проявилась необыкновенная любовь к природе. Конечно, городская жизнь давала слишком мало пищи этому чувству, тем не менее оно вылилось у маленького Серова в форме необыкновенного пристрастия к рисованию. Целые дни проводил он с карандашом в руках, рисуя то перспективу своей комнаты, то пейзажи, то зверей... И общая гениальность натуры не замедлила проявиться даже в этой сфере занятий: скоро стал замечен его несомненный талант к рисованию, – поистине, это была многоспособная натура! Впоследствии Серов никогда не учился живописи систематически, потому что все его внимание поглощали музыкальные занятия, но, несмотря на это, достиг значительной степени совершенства в обращении с карандашом и акварелью. Как прав он был, когда писал в 1840 году Б. В. Стасову: «Иногда какой-то внутренний голос преубедительно мне нашептывает, что во мне довольно сил – быть всем, чем я пожелаю». Повторяем, никто с большим правом не мог бы сделать такое признание.

Эти занятия живописью не пропали даром для позднейшей композиторской деятельности Серова. Они образы-

вали его эстетический вкус, и этот развитой вкус заметно отразился на живописной постановке его опер.

Как уже было сказано, к девятилетнему возрасту Серов умел свободно читать на трех языках. Постепенно он пристрастился к чтению и скоро сосредоточил все свое внимание на сочинениях по естественной истории. Любимым его автором сделался Бюффон и скоро так заинтересовал его, что маленький зоолог не расставался с его сочинениями, а под конец просто бредил своим кумиром. Его увлекала живая природа, которая отражалась, как в зеркале, на страницах книг знаменитого естествоиспытателя. Окончилась же вся история, разумеется, самым детским образом: увлеченный примером Бюффона, маленький поклонник его вознамерился и сам написать что-нибудь по зоологии, «вроде Бюффона»; предприняты были даже какие-то подготовительные работы. В одном из писем своих к В. В. Стасову (1842 год) А. Н. Серов с большою веселостью пересказывает этот курьезный эпизод, свидетельствующий, однако, о ранней способности композитора увлекаться интересами чисто идеального свойства...

Так совершалось первоначальное воспитание А. Н. Серова. Мальчик успел проявить блестящие способности, несомненную талантливость, многосторонность и даже универсальность натуры; словом, все шло хорошо, и дело воспитания подвигалось успешно. Но вот наступило время, когда нужно было начать преподавание музыки, ибо, несмотр-

ря на антимузыкальность семьи Серовых, в ней господствовало убеждение, что музыка необходима в курсе общего образования; музыка, точнее, умение играть на каком-нибудь инструменте, есть признак хорошего тона и хорошего воспитания. Так думал отец А. Н. Серова, и потому едва исполнилось мальчику восемь лет, как решено было пригласить для него учительницу музыки. Нужно сказать, что сам выбор преподавательницы в двадцатых годах XIX столетия представлял немало затруднений, и следует приписать совершенной случайности то обстоятельство, что первое руководство музыкальными занятиями Серова попало в достойные руки.

Случилось это так. Отец будущего музыканта, Николай Иванович Серов, как мы уже говорили, не понимал музыки, не знал в ней никакого толка, а потому, разумеется, не мог и любить ее. Но, придерживаясь вышеупомянутого взгляда на «бонтонность» музыки, устраивал у себя зимой музыкальные вечера. На этих вечерах у Николая Ивановича играл обыкновенно струнный квартет, где между прочими исполнителями были две первые скрипки тогдашней петербургской оперы (это был тоже «хороший тон»). Присутствовал там обыкновенно и некий батюшка, отец Турчанинов, страстный любитель музыки и большой приятель Николая Ивановича. Музыку отец Турчанинов любил, впрочем, так сказать, платонически и, беспрестанно сочиняя разные сентиментальные «херувимские», никогда не мог понять совершенного безвкусия своих творений. Таков был личный со-

став музыкальных вечеров Н. И. Серова, и этот-то кружок должен был способствовать Николаю Ивановичу в выборе для сына учительницы музыки. Помогла тут, как было сказано, гораздо больше счастливая случайность, и учительницей была приглашена Олимпиада Григорьевна Жебелева, шестнадцатилетняя девушка, отлично знавшая музыку, солидно подготовленная, счастливо соединявшая в себе знание дела и любовь к искусству с самой высокой добросовестностью. Под ее благотворным влиянием, продолжавшимся целых семь лет, до пятнадцатилетнего возраста Серова, будущий композитор основательно изучил музыкальную технику (фортепиано), познакомился со многими величайшими произведениями немецкой музыки и полюбил мир звуков всеми силами своей страстной артистической натуры. За эти семь лет Серов подвинулся в музыке так далеко, что когда потом, на шестнадцатом году, ему пришлось поступить в училище правоведения, то оказалось, что из дому он вынес самую основательную музыкально-техническую подготовку.

Но не будем забежать вперед; все это случилось только впоследствии, ближайшим же образом, то есть в то время, когда Н. И. Серов совещался со своими приятелями о музыкальной будущности сына, последний не проявлял никакой охоты к музыкальным занятиям, ни склонности или любви к музыке вообще. Когда его посадили за рояль, он почувствовал себя совершенно несчастным. Казалось, эта наука была не по нем, а то, что его заставляли проделывать на рояле,

было так скучно, так утомительно скучно и, по-видимому, так бесполезно... Нет, это занятие не могло идти ни в какое сравнение ни с рисованием, ни тем более с чтением очаровательного Бюффона, где были и смысл, и интерес, где не могло быть и речи о принуждении и скуке, которые царили в музыке и, казалось, составляли самую сущность ее. Однако с крутым характером отца нельзя было ничего поделывать, а он непременно желал, чтобы его Александр учился музыке, и потому волей-неволей приходилось подчиняться. Но это было очень трудно; подчинение нелегко дается вообще, а маленькому Серову оно было вдвойне тяжело: все, что от него до сих пор требовалось по части наук и искусства, он выполнял с охотой и добровольно, потому что находил интерес в изучаемом; в музыке же ему едва ли не впервые приходилось ломать и насиловать себя, потому что все эти утомительные экзерсисы и гаммы – все это не удовлетворяло никакому требованию чувства изящного; а мальчик в это время уже привык действовать сознательно и в своих занятиях руководился в значительной мере принципом целесообразности. Словом сказать, с музыкой дело пошло плохо, и два или три года подряд будущий музыкант учился довольно вяло, не проявляя никаких особенных способностей. Прошло, однако, несколько лет, и маленький Серов до известной степени все-таки овладел техникой инструмента.

Приблизительно за год до начала уроков музыки Серов был помещен в пансион некоей госпожи Командер, где и

оставался около трех лет, то есть до десятилетнего возраста. Пансион этот ничем не отличался от всех ему подобных заведений и, подготовив кое в чем своего даровитого питомца, благополучно сдал его в 1-ю гимназию. Здесь началось несколько более серьезное и систематическое ученье. Учиться в то время было, вообще говоря, трудно: методы преподавания практиковались самые жалкие, о педагогике почти никто не имел никаких сведений, так что нечего было и мечтать о правильной постановке учебного дела, — ведь это было начало тридцатых годов. Но природные дарования все-таки успевали пробиться к свету знания, и нечего поэтому говорить, что Серов, с его блестящими способностями, легко преодолевал всякие методы и учился отлично. Известно, между прочим, что математику во всех ее отраслях он особенно не жаловал, однако и в ней успевал, так же как и во всех остальных предметах.

Что касается музыки, то она вовсе не преподавалась в гимназиях, как не преподается и теперь; тогда, как и теперь, на нее не смотрели как на необходимый предмет общего образования, и это обстоятельство особенно невыгодно отзывалось на таких натурах, как Серов. Будущий композитор начинал уже понимать музыку, продолжающиеся дома уроки Жебелевой развивали это понимание, и нашего музыканта тянуло в мир звуков все более и более.

На двенадцатом или тринадцатом году жизни совершился в душе Серова перелом, и полное равнодушие к искус-

ству постепенно сменилось у него горячей любовью. Около этого времени он с особенным рвением отдается изучению наиболее замечательных образцов музыкального творчества и, благодаря рано пробудившимся мыслительным способностям, начинает задумываться над ними. Благодушное начальство гимназии, разумеется, не могло отличить в толпе тринадцати-четырнадцатилетних мальчиков эту рано развившуюся, исключительную натуру и видело в Серове только хорошо успевающего ученика такого-то класса. А он, этот ученик, успевал тем временем совсем в другой области, все более и более погружаясь в очарованный мир искусства. Постепенно научался он находить в звуках отражение того, что пока еще смутно таилось в его пробуждавшейся душе...

Так проходили последние годы, проведенные Серовым в гимназии, — он пробыл в ней до конца 1835 года, то есть до своего шестнадцатилетия, когда был переведен в только что открывшееся училище правоведения. Блестящие способности давали Серову возможность легко справляться со всеми учебными предметами; но, покончив с обязательными гимназическими занятиями, он торопился домой, где ожидал его рояль, за которым юный музыкант отводил свою душу. Фантазия его просыпалась, и молодой человек с головою погружался в свой идеальный мир, где все было для него еще так ново и так заманчиво прекрасно; музыкальная мысль будущего композитора пробуждалась с очевидностью, и только недостаток теоретических знаний не позволял ему выразить

на бумаге то, что складывалось в его голове и воображении.

Одновременно с пробуждением духовной жизни мальчика начинает все яснее обрисовываться и его недетский характер. Известно, что даже в раннюю пору своей жизни Серов не любил никаких детских игр. С течением времени живость, резвость и экспансивность, так свойственные детскому возрасту, все более пропадали в нем, уступая место задумчивости, сосредоточенной серьезности и даже молчаливости. Домашние маленького Серова не могли, конечно, не замечать такого странного настроения мальчика, но приписывали его простой вялости, и отец его, Николай Иванович, часто говаривал сыну: «Александр, ведь ты – лимфа противная!» – на что мальчик отвечал только слабой улыбкой, не покидая, однако, своего сосредоточенно-серьезного настроения. Нет, не простой вялостью было то, что наблюдал в своем сыне Николай Иванович! Сам А. Н. Серов иначе объясняет совершавшиеся в нем душевные процессы:

«От постоянных дум и мечтаний, – *говорит он*, – я казался до ненатуральности серьезным, молчаливым и даже сонливым мальчиком... Я, как себя запомню, всегда плавал в эстетических мечтаниях; реальность для меня никогда не существовала, я всегда гонялся за чем-то неясным, неопределенным впереди...» (Из письма к В. В. Стасову от 2 июня 1842 года).

Другими характерными свойствами А. Н. Серова, – свойствами, впоследствии навлекавшими на него постоянные

неприятности и увеличивавшими и без того густую толпу его недоброжелателей, были всегда присущие ему самоуверенность и сознание своего превосходства над другими. В последующей жизни А. Н. Серова эта особенность его характера развилась до чрезвычайной степени, но и в детском возрасте его она проявляла себя очень рельефно. Сюда относится несколько забавных рассказов, один из которых передает нам В. В. Стасов, близко знавший Серова с самого детства. Когда мальчику было еще не более восьми-деяти лет, в период наибольшего увлечения его Бюффом, о котором мы упоминали выше, все свои «важные» разговоры А. Н. Серов начинал комически-серьезным вступлением: «Папа, Бюффон и я». Отца он уважал и любил, так как тот не мог не импонировать ему своим умом; Бюффон был в его глазах первый автор в мире, так как написал очаровавшую Серова естественную историю, а о значении своего «я» он достаточно свидетельствовал, помещая его среди такого избранного общества. К этой же категорией эпизодов относится и упомянутый выше проект написать что-нибудь «вроде Бюффона».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.